

В. Вальченко

Классическая филология в Кёнигсбергском университете

Географическая удаленность Восточной Пруссии от культурных центров Западной Германии и насаждение на всей территории герцогства нового вероучения не могли не сказаться на характере развития и становления классической филологии в Кёнигсбергском университете. Уже с самого начала университет, возникший в эпоху реформации (1544), по убеждению его основателя герцога Альбрехта Гогенцоллерна, должен был способствовать дальнейшему распространению и укреплению в Восточной Пруссии учения Лютера. По рекомендации Мартина Лютера, с которым герцог советовался по всем вопросам государственного строительства, на должность первого ректора университета был приглашен из Виттенберга Георг Сабин, зять Меланхтона, знаменитого издателя литературных памятников Античности и составителя учебных пособий по греческому и латинскому языкам, за что он получил славное имя *praeceptor totius Germaniae*. Своего рода добрым знамением для университета было то, что научные интересы Сабина лежали в области античной литературы. Его можно назвать первым филологом-классиком, который из античных авторов более всего почитал Овидия. Занимая должность профессора поэзии и элоквенции, он комментирует «Метаморфозы» Овидия, работает над схолиями к Гесиоду, занимается этимологией греческих слов.

Однако до расцвета классической филологии в университете, где царил строгий дух реформированной церкви и — позже — пиетизма, было очень далеко. Достаточно сказать, что еще в XVIII веке, как раз в то время, когда Иммануил Кант в 1770 г. наконец становится ординарным профессором логики и метафизики, из четырех существующих факультетов философский, как факультет вспомогательный, или подготовительный, стоит на последнем месте; филология в ряду шести дисциплин, читавшихся на философском факультете, также занимает последнее место; ей предшествуют изящные науки и искусства, куда входили риторика, по-

этика и археология. Кроме того, почти во всех германских учебных заведениях плохо обстоит дело с греческим языком и с чтением авторов в оригинале. И не вина Канта в том, что он был знаком с Платоном и Аристотелем только по переводам Баумгартена и Мендельсона. Филология была своего рода «служанкой» теологии. Поэтому на греческом читались только новозаветные тексты. В соответствии с университетским уставом ординарный профессор греческого языка за год обязан был прочесть весь Новый Завет в подлиннике. Авторы могли читаться лишь в частном порядке. В коллегии Фридриха, самом престижном среднем учебном заведении Кёнигсберга, где Кант учился с восьмилетнего возраста, основой образования был латинский язык, на который отводилось 16—20 часов в неделю. Потому-то в его работах мы гораздо чаще встречаемся с цитатами из Горация, чем со ссылками на великих греческих философов.

Расцвет классической филологии в Кёнигсбергском университете связан с именем Кристиана Августа Лобека, его по праву называют основателем кёнигсбергской школы. Современники отзываются о нем как о величайшем украшении Альбертины. Лобек родился в 1781 года в Наумберге, в ранней юности получил блестящее образование, и прежде всего в древних языках. В Йене он изучал юриспруденцию, потом теологию в Лейпциге. С 1802 года работал в Виттенберге, где после выхода в свет обширного комментированного издания «Аякса» Софокла был удостоен звания экстраординарного и затем ординарного профессора. Незадолго до битвы при Лейпциге он получает приглашение в Кёнигсбергский университет в качестве профессора элоквенции и греческих и римских древностей. Здесь он преподавал с 1814 по 1857 год, вплоть до выхода на пенсию. Вновь последовали приглашения: одно в Гейдельберг, где работал его оппонент по проблемам мифологии Фридрих Кройцер, и другое — в Лейпциг, исходившее от его старого учителя и друга Готфрида Германа. Ни то ни другое приглашение он не принял. Умер Лобек в Кёнигсберге 26 августа 1860 года.

Кристиана Лобека отличала необыкновенная скромность. Так, он очень быстро отказался от тягостных для него обязанностей профессора красноречия, которому уставом предписывалось выступать с речами по всем торжественным случаям, в том числе и в день коронации прусского короля. Очень деликатную критическую рецензию на труд Фридриха Кройцера он опубликовал анонимно. Научная деятельность Лобека была разносторонней и включала в себя два основных направления: история религии и языкознание. Через два года после публикации «Аякса» вышли еще две статьи, содержание которых определило его научную работу в последующие 20 лет. Обе они касались критики монографии Кройцера «Символика и мифология древних народов, в особенности греков». Главный труд Лобека по истории религии, составивший три тома, —

«Аглаофам, или О началах мистической теологии греков» — был издан в Кёнигсберге в 1829 году. Первая книга посвящалась элевзинским мистериям, вторая вместе с собранием фрагментов — орфическому культу и третья — самофракийским мистериям. Название работы символично. Вынесенный в заглавие Аглаофам, который в поздних легендах называется орфическим учителем Пифагора и о котором насмешливо отзывается Лобек, уже намекал на деструктивный характер содержания книги. Критике вновь подвергалась десятилетиями признававшаяся теория Кройцера о том, что мифы, лежащие в основе мистерий, имеют индийское или египетское происхождение. Вопреки этому взгляду Лобек показал, что культ мифологических божеств принадлежит именно грекам, а мистерии являются неотъемлемой частью и элементами общинно-греческой религиозности.

Работа Лобека не получила единодушного признания. Время критического рационализма строгой филологии, к которому обратился автор, еще не наступило. Лишь век спустя Ульрих фон Виламовитц-Меллендорф замечает о научных выводах Кройцера: «Он не мог устоять перед вескими аргументами “Аглаофама”». Вообще говоря, в эту эпоху романтизма в основе труда Лобека лежали жесткий рационализм и критика источников, чему немало способствовал Кант. В одном из писем Августу Зайдлеру Лобек пишет: «... изучаю кантовскую философию, Кант, этот автохтон в философии, становится для меня все дороже».

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства того времени, языковедческие труды Кристиана Лобека до сих пор не утратили своего значения. Учение о словообразовании и этимологический метод, применявшийся Лобеком, позволяют говорить о нем как о выдающемся представителе нарождавшегося сравнительного языкознания. Результаты этимологических исследований ученого были не только высоко оценены через сто лет после его смерти, но и учтены в новейшем трехтомном этимологическом словаре греческого языка, вышедшем в 1972—1973 годах. Научное наследие Кристиана Августа Лобека составило 130 томов монографий и сброшюрованных статей. Все это бережно хранилось в Королевской библиотеке Кёнигсберга.

Таким образом, по словам Джона Эдвина Сандиса, со времени Кристиана Лобека в Кёнигсберге существует кёнигсбергская классическая школа. Причем непосредственными учениками Лобека были Карл Лерс и Артур Людвиг. С 1818 по 1824 год в университете преподавал Карл Лахман. Что объединяет последних названных ученых, так это их пристальное внимание к Гомеру, и прежде всего к текстологии гомеровских поэм.

Карл Лерс, уроженец Кёнигсберга, с юных лет, как ранее Кант, учился в *Collegium Fridericianum*, привилегированной гимназии, основанной Фридрихом Великим. После окончания коллегии Фридриха Лерс в каче-

стве учителя работал в разных местах — в Данцигской гимназии, где директором был член Берлинской академии наук Август Майнеке, затем в Мариенвердере и, наконец, возвратился в Кёнигсбергскую коллегию Фридриха, где работал «старшим учителем» в течение 20 лет. В 1831 году, после публикации работы «*Quaestionum Aristarchaeorum specimen*», он получает звание экстраординарного профессора. В 1849 году Лерс отвергает предложение Готфрида Германа о переезде в Лейпциг. Как и Лобек, будучи скромным человеком, он жил по принципу *lathe biosas*. Здесь можно упомянуть и о кёнигсбергском феномене: никто легко не уходил из Альбертины. Свидетельство тому Кант и Лобек. И Лерс, получив должность ординарного профессора, больше никогда не покидал Восточную Пруссию.

Перечень трудов Лерса составляет 163 названия. Все они отличаются высочайшей филологической акрибией. Истинным шедевром можно назвать его 500-страничную монографию «*De Aristarchi studiis Homericis*», опубликованную в Кёнигсберге в 1833 году. В этой книге затрагиваются вопросы достижений александрийской филологии в изучении гомеровских текстов, и прежде всего исследователя Гомера *kat' exochen*, Аристарха. Источниковедческий анализ всего наследия античных комментаторов дает точные критерии гомеровской эксегезы и гомеровской критики текста. И уже после смерти Карла Лерса новые рукописные находки блестяще подтверждают результаты исследований ученого. Монументальный труд Хартмута Эрбса «*Scholia Graeca in Homeri Iliadem*» основывается на работах Карла Лерса и его ученика и продолжателя Артура Людвиха. Книга Лерса издавалась четырежды, последний раз в 1964 году. В 1873 году появляется его «*Quaestiones epicae*». Здесь речь идет об Апионе, позднеалександрийском грамматике и филологе, занимавшемся Гомером, а также о гомеровской просодии александрийцев. Карлу Лерсу был интересен и Гесиод: в частности, он комментировал его «Труды и дни». Работу высоко оценил Виламовиц в собственном комментарии к этой поэме Гесиода (1928). Незадолго до смерти Лерса выходит в свет его работа «Схолии к Пиндару» с подзаголовком «*Eine kritische Untersuchung zur philologischen Quellenkunde. Nebst einem Anhang über den falschen Hesychius Milesius und den falschen Philemon*» (Leipzig, 1873).

Остается верным себе Карл Лерс и далее, следуя строгой текстологической критике в исследовании как работ грамматика императорского времени Геродиана, так и Горация — в своем труде под названием «*Quintus Horatius Flaccus. Mit vorzugweiser Rücksicht auf die unechten Stellen und Gedichte*». Наряду с весьма высокими отзывами о работах Лерса Виламовиц однажды сделал нелестное замечание: «Совершенно классицистически мыслящий человек, безусловно, имел [бы] чувство прекрасно-

го, если бы только главной темой его изысканий не являлись совершенно сухие объекты». Но научная деятельность Карла Лерса не исчерпывалась только «сухими объектами». Об этом свидетельствует его замечательный труд «Populäre Aufsätze aus dem Altertum, vorzugweise zur Ethik und Religion der Griechen» (Leipzig, 1856). Столь резкий поворот к литературной теме показывает, что Лерс отнюдь не страдал односторонностью. Его ученики, и в частности Артур Людвиг, рассказывают о нем как о прекрасном лекторе, аудитория которого всегда была переполнена. Он был общителен, энергичен, любил литературу, музыку, поэзию и даже сам сочинял стихи, в том числе и на греческом.

Триаду крупнейших кёнигсбергских филологов-классиков XIX столетия замыкает Людвиг Фридендер. Уроженец Кёнигсберга (род. в 1824) Фридендер, как и его предшественник Карл Лерс, получил среднее образование в Collegium Fridericianum. Как в свое время Лерса опекал Карл Лахман, так на протяжении всей учебы в коллегии, вплоть до 1841 г., наставником Фридендера был Карл Лерс. С 17 лет Фридендер уже учится в Альбертине под руководством Лобека и экстраординарного профессора Лерса. Так как в классической филологии существовала тесная связь между Лейпцигским и Кёнигсбергским университетами, то в скорое время Фридендер отправляется учиться у Готфрида Германа и Морица Гаупта. Однако по прошествии трех семестров Фридендер возвращается в Кёнигсберг. Здесь в 1845 году он получает первую ученую степень. В этом же году он начинает изучать античную археологию в Берлине. Занятия ею во многом определили характер дальнейшей его научной деятельности. После возвращения в Кёнигсберг Фридендер держит государственный экзамен на высшую учительскую должность и уже по сложившейся традиции работает учителем в коллегии Фридриха. Два года спустя, после опубликования работы «De operibus anaglyphis in monumentis Graecis», Фридендер получает право на преподавание в университете. Он читает лекции о памятниках античного искусства, а также комментирует Пиндара и Тацита. Он становится первым филологом-классиком, который выступает с лекциями в Альбертине и Академии искусств. Так было положено начало дисциплине, которую позже, в 1875, а затем в 1921 году читали Хуго Блюмнер и Бернхард Швейцер.

Увлечение археологией приводит Фридендера в Италию, где он совершенствовался в течение года. В 1856 году он становится экстраординарным, а через два года ординарным профессором элоквенции, должности, которая перешла к нему от Кристиана Августа Лобека. Фридендер как университетский преподаватель был чрезвычайно любим и популярен. Он был почетным членом многих иностранных академий и различных научных обществ. Умер он в декабре 1909 года в Страсбурге в возрасте 85 лет, находясь на пенсии с 1892 года.

Научная деятельность Людвиг Фридендера отличается как объемом, так и разносторонностью. Отчетливо выступают пять основных направлений: 1) греко-римская археология, 2) проблемы гомеровской филологии, 3) римская поэзия императорского времени, 4) история культуры Рима, 5) культура Нового времени.

Докторская диссертация «О барельефах на греческих погребальных памятниках» и статья «О художественном мышлении римлян» указывают на связь археологического и филологического методов исследования, что потом блестяще проявилось в его мастерском труде, коротко называемом «История нравов Рима». Само собой разумеется, что в своей научной работе Фридендер отнюдь не отходит от традиций кёнигсбергской классической школы. Он занимается такими давними спорными проблемами, как гомеровский вопрос (1855), пишет статьи по таким узким специальным темам, как «Сады Алкиноя» и «Употребление презенса у Гомера», «Особенности гомеровского словоупотребления» и «Наблюдения Аристарха» (1879), которые поднимали еще Лобек и Лерс.

Комментированные издания произведений Марциала, Петрония и Ювенала в 80-х и 90-х годах не только были значительными работами сами по себе, но и служили дополнительным научно разработанным материалом для подготовки капитального труда Фридендера, полное название которого «Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von Augustus bis zum Ausgang der Antonine». Уже первые издания «Истории нравов Рима» имели столь большой успех, что в 1922—1924 годах Георг Виссова подготавливает уже посмертное четырехтомное ее издание, а перевод на многие европейские языки лишь подтверждают научное значение работы. Имя автора «Истории нравов Рима» ставится в один ряд с такими известными учеными, как Якоб Бурхардт с его «Греческой историей культуры» и Теодор Моммзен с его «Историей Рима».

Писательская деятельность Фридендера указывает на многогранность его интересов. Его статьи в различных журналах посвящены Канту, Гёте, Лессингу, Винкельману. Кроме того, многие работы Фридендера касаются вопросов педагогики, образования и академического преподавания.

Галерея кёнигсбергских ученых — как филологов-классиков, так и специалистов в смежных областях — в XX веке была достаточно представительной. Продолжателями традиций кёнигсбергской классической школы еще с XIX века оставались Карл Людвиг, ординарный профессор с 1878 по 1912 год, и профессор античной истории Франц Рюль, работавший в тот же период. Отто Росбах, умерший в 1931 году, как и Фридендер, занимался классической филологией и археологией. Обе специальности после ухода Росбаха читал Людвиг Дойбнер (1907—1917). В начале столетия в Альбертине работали специалист по римскому праву Альфред Манигк и археолог Швейцер.

С 1927 по 1934 год в классической филологии Кёнигсбергского университета происходят некоторые перемены. На короткое время в Кёнигсберг приезжают такие ученые, как Рихард Хардер (1927—1940), Вольфганг Шадевальдт (1928—1929), Гаральд Фукс (1929—1932) и уже в недоброй памяти времена (1934) — Пауль Маас, Эрвин Вольф и Вальтер Отто.

Последний из названных ученых заслуживает особого внимания. Отто был достойным продолжателем некогда установившихся в Альбертине традиций. Своей работой «Смысл элевзинских мистерий» (1939) он соприкасается с основателем кёнигсбергской классической школы Августом Лобеком и его «Аглаофамом»; занимаясь же языкознанием, он в отличие от своего предшественника отдавал предпочтение языковедческим проблемам истории религии. Научный гений Вальтера Отто в полную силу проявился в 20-х годах, когда была издана его монография под названием «Die Manen» и с подзаголовком «Oder von den Urformen des Totenglaubens» (1923), которая освещает фундаментальную область греческой, римской и семитской религии. Еще один важнейший труд появляется в 1925 году: «Die Götter Griechenlands». Эта работа выдержала шесть изданий и была переведена на итальянский, английский и французский языки.

В Кёнигсберг из Франкфурта-на-Майне Отто приехал в 1934 году уже в шестидесятилетнем возрасте. Десятилетнее пребывание в Альбертине было для него очень продуктивным. На это время приходится две его монографии: «Der griechische Götternmythos bei Goethe und Hölderlin» и «Der Dichter und die alten Götter» — и ряд статей: о Тиртее, Аристотеле, Канте и Ницше; и все они связаны с мифологией греческих божеств. Двадцать статей дополняют и две книги: «Die Musen und der göttliche Ursprung des Singens und Sagens» (1954) и «Theophania» (1956). Но это последнее десятилетие уже не имеет отношения к кёнигсбергскому университету. С 1944 года Альбертина, отметив свой 400-летний юбилей, больше не существует.

